

«Перебирая в своем уме разные воспоминания...»:

очерк-ретроспектива

в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.

При беглом взгляде на малую прозу Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. может показаться, что перед нами своего рода мозаика — настолько разнообразны по содержанию и форме выражения оказываются тексты. Однако если присмотреться, очерки и рассказы рассматриваемого периода, не вошедшие в собранные автором циклы «Уральские рассказы» (1888–1889), «Сибирские рассказы» (1902–1905), объединяются между собой на основе тематического, жанрового и повествовательного подобия. Условно можно выделить, во-первых, группу текстов, связанных с темой женской судьбы (чаще всего она воплощается в традиционном жанре рассказа и повести), во-вторых, группу текстов, объединенных темой золотодобычи (вариантом реализации здесь может выступать очерк с присутствием публицистического начала), в-третьих, группу текстов, представляющих тему путешествия (в жанровом плане это очерк-travelог и маргинальные жанры, порождаемые очерком: летние скитания, путевые картинки, путевые заметки и т. д.). Еще одним важным блоком в общей структуре маминской малой прозы 1880-х гг. являются очерки-ретроспективы, объединенные темой памяти.

Очерками-ретроспективами в классическом виде являются следующие тексты: «Сестры. *Очерк из жизни Среднего Урала*», «На рубеже Азии. *Очерки заохотного быта*», «Блажные. *Очерки из заводских нравов*», «Волчий хлеб. *Очерки литературной божемы*», «Между нами. *Из записок старого холостяка*». Отдельные фрагменты-воспоминания, так называемые «тексты в тексте», присутствуют в произведениях «Коробкин. *Из летних рассказов*», «Двадцать градусов».

Примечательно, что Д. Н. Мамин-Сибиряк в жанровом подзаголовке-предупреждении ко многим названным текстам акцентирует внимание именно на особенностях среды — заводские нравы / литературная богема / жизнь Среднего Урала. Освоение такого «куска среды» совершается уральским писателем разными способами. Например, в тексте «Блажные. *Очерки из заводских нравов*» манера автора-повествователя характеризуется определенной долей репортажности и публицистичности одновременно. По мнению Б. В. Кондакова, собственно маминский стиль очерка «допускал введение в повествование большого количества персонажей... позволял также в свободной форме излагать первоначальные впечатления от увиденного, включать в произведение рассказы разных людей... и собственные размышления обобщающего характера» [1, с. 13].

Он вспоминает о лете, проведенном (как следует из контекста — по долгу службы) в Черемшанском заводе, и из общей картины своего пребывания на уральском заводе «выхватывает» фрагменты, характеризующие положение

блаженных и юродивых в пореформенную эпоху на Урале: «Мне вдруг сделалась ясной целая полоса заводской жизни, которая раньше только поражала своими резкими противоречиями» [2, т. 4, с. 239]. Подчиненность повествования единой задаче — представлению типичного явления — объясняет и вкрапление разностилевого материала, относящегося к выбранной теме: читатель имеет возможность «подслушать» разговоры с блажными, проследить этапы появления и существования их в заводских локусах, а также вместе с повествователем задуматься над вопросом, «...навсегда ли миновало время людей, потерявших свое “душевное зеркало” (другое название блажных. — А. Б.) в той или другой форме» [2, т. 4, с. 246]. Именно структура очерка-ретроспективы позволяет повествователю логично вывести обобщающие рефлексии подобного плана. В этом значении ретроспективный взгляд предоставляет автору-повествователю возможность охарактеризовать явления, ставшие предметом его исследования в очерке, в диахронии. Наряду с воспоминаниями повествователя о случаях личного общения с «заводскими дурачками» активно представляется Маминым «исторический пласт», конкретные случаи лишь подтверждают типичных явления:

Эти два блажных составляли типичное воспоминание о минувших крепостных порядках на уральских горных заводах. В темное время до 19-го февраля на каждом заводе было несколько таких блажных, составляющих неотъемлемую принадлежность тогдашних заводских порядков [2, т. 4, с. 241].

Более развернутый очерк-воспоминание, с учетом своего жанрового метатекста претендующий на всестороннее освещение *жизни*, — «Сестры. Очерк из жизни Среднего Урала». Как и в предыдущем тексте, автор-повествователь вспоминает о своем достаточно длительном пребывании в Пеньковском заводе, говорит он на этот раз и о цели своей поездки:

Цель моей командировки заключалась главным образом в том, чтобы выяснить те новые условия, которые в заводском хозяйстве заменили порядки крепостного права... [выяснить] какие темные и светлые стороны были созданы реформами последних лет в положении рабочего люда, в его образе жизни, образовании, нравственном и физическом состоянии [2, т. 1, с. 480].

Интересно, что в двух названных очерках наличествуют персонажи, схожие по положению, имени, одинаково охарактеризованные: Борька в очерке «Блажные» и юродивый Яша в произведении «Сестры». Оба они изъясняются схожими фразами и называют всех рабочих завода «Иванычами». В очерке «Сестры», более объемном и содержащем развернутую сюжетную линию, обобщающим комментарием повествователь уделяет не столь большое внимание — ему ценнее вспомнить и детально воспроизвести уклад заводской жизни. То есть можно констатировать, что структура очерка-ретроспективы может употребляться Маминым, с одной стороны, для включения в текст авторской рефлексии по выбранному поводу («Блажные»), с другой стороны — как условная схема для развертывания сюжета («Сестры»).

Особенности существования в среде, но через призму личного опыта персонажа демонстрируются Маминым в текстах «На рубеже Азии. *Очерки заохотного быта*», «Волчий хлеб. *Очерки литературной богемы*». В особенности в первом очерке-повести (в отличие от очерков «Блажные» и «Сестры», где «скрепляющим» началом выступают описания окружающего мира и его явлений) актуализируется «я» повествователя, так как события объединены личностью Кира Обонполова. Именно через призму его сознания (детского и взрослого) подаются факты. Однако степень рефлексии не достигает в названных очерках своего пика — между «припоминаемыми» событиями детства/юности и настоящим зрелого рассказчика проходит сравнительно небольшой отрезок времени. Этот факт отражается и на повествовательном рисунке очерков: фиксация событий в хронологическом порядке преобладает над оценочным пластом. Повествователь здесь выступает в традиционной для жанра функции говорящего субъекта, он же становится объектом самоизображения.

Можно заметить возрастающую концентрацию «рефлексивных» вставок в другом очерке с ретроспективной установкой — «Между нами. *Из записок старого холостяка*». Главный персонаж очерка, действительно, не только подводит итоги существования, но и пытается трезво оценить мотивы своих поступков и их последствия:

Если разобрать серьезно, то человеческое сердце устроено немножко странно, чтобы не сказать больше. Я иногда задумываюсь на эту тему. В самом деле, человеку нужно прожить сорок шесть лет, чтобы додуматься, как нужно было сделать тогда-то и тогда-то... [2, т. 4, с. 544].

Благодаря использованию Маминым-Сибиряком свободной жанровой формы записок создается исповедальный характер повествования наряду с ярко выраженным личностно-субъективным началом, обусловленным избирательностью памяти. Однако главный герой Платон Васильевич предпринимает своего рода попытку объективного восприятия самого себя и своих поступков — формально это выражается в том, что на протяжении всего текста он часто говорит о себе в третьем лице. Приведем несколько соответствующих примеров:

Да, черт возьми, в свое время Платон Васильевич Казарин тоже танцевал и очень недурно танцевал. Тогда тоже были красивые девушки, а голова Платона Васильевича была украшена настоящей гривой из русых кудрей [2, т. 4, с. 528];

В одно прекрасное утро Платон Васильевич Казарин почувствовал, что он, во-первых, свинья, во-вторых — свинья и в в-третьих — свинья. Потом Платон Васильевич Казарин тосковал... [2, т. 4, с. 545].

Можно также сказать, что очерк «Между нами» — своеобразная попытка беллетризации воспоминаний (обилие обращений к читателям и читательницам, сознательная установка на занимательность сюжета и сохранение интриги и т. д.). При этом Мамин сохраняет и классические приметы выбранного

жанра — временная конкретность, членение при подаче информации, выраженный оценочный план, автокоммуникация.

В отдельных очерках рассматриваемого периода Мамин применяет и классическую для литературы схему использования ретроспективного повествования: детерминирует настоящее положение героя произошедшими с ним ранее событиями. В тексте «Коробкин. Из летних рассказов» это история Капочки, вспоминаемая Коробкиным; в рассказе «Двадцать градусов» — история детства Флоры.

Как видим, в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. многообразно реализуется ретроспективное повествование. В основе художественной стройности очерков-воспоминаний лежит, как правило, образ повествователя, хотя степень выраженности его «я» может меняться в зависимости от художественных задач или жанровых колебаний.

Литература

1. Кондаков Б. В. Русская литература 1880-х годов и Д. Н. Мамин-Сибиряк // Известия Урал. гос. ун-та. 2002. № 24. Сер. Гуманитар. науки. Вып. 5. С. 9–24.
2. Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 20 т. Екатеринбург, 2002–2011. Т. 1–5.

О. В. Зырянов

Екатеринбург

Новообетенная повесть Д. Н. Мамина-Сибиряка «Роковой человек»: обоснование авторства

Повесть «Роковой человек» была опубликована в газете «Петербургский листок» за 1891 г. (№ 215–217, 219–221, 224–228) под псевдонимом Ник. Чельшев. На принадлежность этой повести Мамину-Сибиряку обратил наше внимание А. И. Рейтблат. Он же предложил и обоснование авторства данной повести, сославшись на раскрытие тайны псевдонима редактором газеты Н. А. Скроботовым.

Действительно: кто, казалось бы, лучше, чем редактор, знает тайну всех своих корреспондентов? Через 23 года после факта публикации повести и два года спустя после смерти писателя на страницах книги, посвященной истории «Петербургского листка» за 35 лет его существования, Н. А. Скроботов признается:

Число новых сотрудников в этом году (т. е. 1891-м) было немного, это были А. Д. Бочагов, П. П. Вемарн, Н. Э. Гейнце, Н. Смирнов, Н. А. Кузьминский, Лейбрович (секретарь редакции журнала «Новь»), Д. Н. Мамин-Сибиряк (повесть «Роковой человек»), В. А. Скрипичин (передовые статьи), В. Ф. Тихомиров (корреспондент с Калашниковского берега), С. С. Шабишев (биржевой хроникер) [5, с. 66].